

Примечания

[1] Единственное за многие последние десятилетия издание трудов П. Ж. Прудона в России: П. Ж. Прудон. Что такое собственность? М., 1998. О Прудоне см.: Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007 и Рябов П. В. Философия классического анархизма (проблема личности). М., 2007.

[2] Публично возражая в печати против патриархализма Прудона, русский публицист и революционер М. Л. Михайлов положил начало дискуссиям вокруг «женского вопроса» в России.

[3] Биографию и выразительно-лаконичные портреты П. Ж. Прудона см.: Герцен А. И. Былое и думы. Глава XLI // Герцен А. И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6, М., 1975, сс. 178–196 и М. Туган-Барановский. Пьер Жозеф Прудон // Адам Смит, Беккариа и Бентам, Джон Милль, Прудон, Ротшильды. Биографические повествования. Челябинск, 1998, сс. 301–386.

[4] Подробнее о переводе и обстоятельствах издания «французской демократии» («De la capacite' politique des classes ouvriere' res») в России см.: Рудницкая Е. Л. Лики русской интеллигенции. М., 2007, сс. 302–303. Помимо Н. К. Михайловского, сумевшего издать книгу в 1867 году в Санкт-Петербурге, в переводе участвовали виднейшие русские прудонисты-шестидесятники – Николай Соколов и Николай Ножин.

[5] Рябов П. В. Краткий очерк истории анархизма в XIX–XX веках. М.: Красанд/URSS, 2010, сс. 17–24 и Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007, сс. 85–198.

[6] Манифест Шестидесяти говорит прямо: «Мы утверждаем, что после двенадцати лет терпения наступила благоприятная минута. Мы не можем согласиться, чтобы следовало ждать следующих общих выборов, т. е. еще шесть лет; если так, то избрания работников пришлось бы ждать восемнадцать лет». Таким образом, видно, что они ведут счет своему терпению с 1851 года.

[7] Г. Толен в своей брошюре о выборах приводит следующий факт. Один избиратель работник 9 округа, в присутствии которого рассуждали о достоинствах г. Пельтана, писателя, обозревшего, по словам стереотипной рекламы г. Паньера, весь кругозор человеческой мысли, выразился несколько грубо, но в форме, совершенно соответствующей современному настроению: «А мне наплевать, что бы ни бросить в избирательный ящик, яблочную середку или капустную кочерыжку, – лишь бы то, что я брошу, значило оппозиция».

[8] Свободный обмен препятствует возвышению цены на хлеб и внушает уважение крестьянам; можно сказать, что во Франции почти всюду цена хлеба не превышает стоимости производства. Даже в Бос арендатор получает свой доход не с сбора хлеба, а с

искусственных лугов и со стад.

[9] Глава эта во французском издании Дантю под редакцией Шоде потерпела важные и значительные изменения. Мы печатаем ее в том виде, как она была переведена в Париже г. Соколовым с рукописи покойного автора и напечатана в № 6 «Русского Слова» за 1865 год.

[10] Это сравнение может показаться несправедливым в период стачек, совершающихся на наших глазах. Но, не говоря уже о том, что закон о стачках вызван, собственно говоря, не народной инициативой (см. ч. III, г. IX), в большинстве случаев правительство поддерживало требования работников.

Работники заслуживали бы, конечно, похвалу за произведенные ими избрания, за уступку буржуазии, если бы, как заявил манифест шестидесяти, эта уступка была внушена высшими политическими соображениями. Но ничего этого к сожалению мы не видим, и, кроме прихоти, эгоизм, есть единственный двигатель работников.

[11] Ответ четырех рабочих на статью Siècle 14 марта 1864.

[12] См. «Руководство биржевого спекулятора» и «о реформах в железных дорогах» того же автора.

[13] Нельзя умолчать еще о следующем факте: известные сторонники экономической анархии, виновники промышленного и торгашеского феодализма, отъявленные противники освобождения рабочих, неотступно требуют так называемой свободы банков или децентрализации кредита; они точно также требовали и добились так называемой свободной торговли, а теперь скоро потребуют еще свободы процента. В толках об этом они никогда не пропускают случая обличить взаимный кредит в стремлении к централизации и обвинить защитников экономического переворота в поползновении к правительственности. Стоить ли напоминать читателю, что всякая общественная служба, организованная так, чтобы не стоить потребителям ничего или почти ничего, есть труд коллективный, действующий сам по себе и для себя, стоящий, следовательно, настолько же вне общинности, насколько и вне централизации? Общественные банки каждой провинции, каждого города должны быть независимы друг от друга: таким образом централизация будет достаточно разбита. Но считать свободой кредита такую свободу, в силу которой всякий мог бы выдавать бумажные денежные знаки, или называть свободой процента право поднимать учет до 7, 8, 9, 10 и выше – значить злоупотреблять словами; такое злоупотребление в жизни прикрывает подлог, а в науке составляет противоречие. Сказанное о кредите, мы повторим и о страховании, об общественных работах и т. д. Не будем смешивать дело коллективное, даровое по своей сущности с явлениями централизации, которые хуже и дороже всех других.

[14] Теория взаимного кредита, стремящегося сделаться даровым, в силу которого занимающий должен оплачивать только издержки по управлению, составляющие 1/4 %, была в первый раз теоретически изложена в брошюре в 43 страницы, под заглавием: Организация кредита и обращения П. Ж. Прудона, Париж 1848. Другие, например Мазель старший, а в позднейшее время г. Боннар, казалось, тоже угадывали этот принцип. Но они

имели о нем самое поверхностное понятие; доказали они это тем, что обоим, особенно Боннару, тотчас же пришла мысль эксплуатировать этот принцип в свою пользу, забывая, что бесплатность то и составляет самую сущность взаимности. Контора Боннара теперь в значительной степени пала; впрочем говорят, что основатель успел составить себе блестящее состояние, источник которого, хотя в глазах судей оказался совершенно безукоризненным, но тем не менее не имеет ничего общего со взаимностью.

В числе противников взаимного кредита я должен назвать Фредерика Бастиа. На памяти этого экономиста, заслуживающего уважения за большую часть своих мнений, останется, в глазах здравомыслящих людей, пятно недобросовестности, которую он обнаружил во время нашего публичного диспута в 1849 году. Заодно с Бастиа, я охотно признаю, что в деле кредита частное лицо не может безвозмездно выпустить из рук свои капиталы, точно также, как ему было бы невозможно застраховать какой-нибудь торговый дом без значительной премии; потом, когда я хотел растолковать своему противнику, что при порядке, основанном на взаимности, все шло бы совершенно обратным путем, Бастиа не хотел ничего слушать, говоря, что взаимность нимало его не интересует, и что он довольствуется моим признанием касательно результатов кредита, который я назвал односторонним (*unilatéral*), чтобы избежать ненавистного слова: лихоимствующий.

По этому поводу я позволю себе представить следующее рассуждение. Мне меньше, чем всякому другому, было бы прилично осуждать рабочие массы, особенно в ту минуту, когда во Франции, Германии и Англии они стараются действовать заодно, чтобы отстоять свое освобождение против коалиции капиталистов и случайностей международной войны. Но выставив на вид ложные понятия и заблуждения рабочей массы касательно кредита, я не могу не упомянуть о робости тех, которые, боясь утопий, считают мудростью следить шаг за шагом за буржуазною практикою и охотно свели бы учение о взаимности на то, чтобы рабочий класс имел своих банкиров, а собственники, предприниматели и лавочники – своих. Как? Неужели взаимность станет стыдиться своего имени! Неужели она станет бояться, что ее завлекут слишком далеко. Неужели она будет протестовать против того, что некоторые уже называют преувеличением её учения. Пусть рабочие успокоятся. Их банки, платящие за капиталы очень дорого, вследствие чего им невозможно отдавать их займы дешево, не в состоянии приняться за серьезную войну против капитализма. Взаимный кредит будет основан в Европе не отпадением, не незначительными конкуренциями, не филантропическими вспоможениями или подписками. Для этого нужна, как я говорил уже не раз, вся сила коллективной воли, которая откровенно стала бы на сторону преобразований. В 1849 году Народный Банк преследовал только одну цель: трудиться над экономическим образованием народа и просвещать его примером, опытом и гласным обсуждением вопросов о кредите. Исполнение дела мы отложили до выборов 1852 года. в будущем, без сомнения, скрывается много чудес; рабочая демократия непобедима. Однако, я думаю, она поступит разумно, если не станет истощать своих сил в бесполезных усилиях; в 1863 году она сумела хорошо заявить себя; поэтому ей не следует упускать из виду политических идей 1852 года.

[15] Почтенные граждане, принявшие в последнее время под свое покровительство развитие рабочих обществ, депутаты, журналисты, банкиры, адвокаты, литераторы, промышленники и т. д., надеюсь, признают, что, заменив слово ассоциация выражениями

взаимность, учение взаимности и т. д., в смысле общей формулы экономической революции, я руководствовался не мелочным тщеславием, а, напротив того, интересами научной точности. Во-первых, слово ассоциация слишком специально и неопределенно; оно неточно, говорит скорее чувству, чем рассудку и не имеет того всеобъемлющего значения, которое необходимо в подобном случае. Не говоря уже о том, как выражается один из писателей ассоциации, что в настоящее время существует между рабочими три рода обществ, между которыми надо отыскать связь: общества производства, общества потребления и общества кредита, – существуют и другие общества – вспомоществования, страхования, обучения, чтения, трезвости, пения и т. д. Прибавьте к этому общества, определенные сводом законов: общества гражданские и торговые, общие товарищества имуществ и барышей или общины; товарищества на вере и анонимные общества. Это все вещи разные, и писателю, который захотел бы писать об ассоциации, следовало бы прежде всего постараться отыскать принцип, которым можно было бы привести к одной общей формуле эти бесчисленные ассоциации; но тогда этот принцип стал бы выше принципа самой ассоциации.

Очевидно, что три четверти, если не четыре пятых такой нации, как наша, – собственники, земледельцы, мелкие промышленники, литераторы, артисты, чиновники и т. д. – не могут считаться живущими в обществе; стало быть или надо объявить их отныне стоящими вне реформы, вне революции, или надо допустить, что слово общество, ассоциация не удовлетворяет науке; надо найти другое слово, в котором с простотою и энергиею соединялась бы широта принципа. Наконец, мы показали, что в новейшей демократии политический принцип должен быть тождественен с принципом экономическим: а этот принцип уже давно назван и определен; это принцип федерации, синоним взаимности или взаимной гарантии, не имеющий ничего общего с принципом ассоциации.

[16] Ложное единство отличается преимущественно своим материализмом. Для управления подобным строем достаточно было бы обезьяны. Машина заведена, – и все повинуетя. Никто не осмеливается требовать от центральной власти ни ума, ни обеспечения, ни нравственности. Она хочет, она повелевает она власть – и все тут.

Централизация доставила торжество парижской общине после сентябрьских убийств, а потом, 31 мая, Марату. Она вызвала триумвират Робеспьера, Сен-Жюста и Бутона; она сделала возможным Террор и поддерживала его четырнадцать месяцев. Она подготовила 18-ое брюмера и едва не помогла, два года спустя, Кадудалю. Если бы Бонапарт был убит адскою машиною, Реставрация, начавшаяся только в 1814 году, явилась бы двенадцатью годами раньше. Благодаря централизации, в то самое время, когда Наполеон посылал свои указы из Москвы, в самом Париже едва не воцарился Малет. Централизация, сделала то, что в 1814 году акт капитуляции Парижа лег в основание тогдашней конституции. Централизация, погубившая династию Бурбонов, погубила и Орлеанов. 2 декабря было делом семи человек. При централизации управляет не человек, не герой или заговорщик, не Лафайет, Дантон или Марат, даже не Конвент, не Директория, не Король, не Император, – все в руках великого города Парижа; все идет из центра.

[17] При равенстве федеральных государств, достаточно одного собрания; но если они не равны, то для восстановления равновесия для федерального представительства необходимы две палаты или два совета: в один из них все государства, без различия числа

населения и пространства области, посылают равное число представителей; в другой совет депутаты назначаются государствами в числе, соответствующем величине каждого. (Такова федеральная конституция Швейцарии, где двойственность парламента имеет совершенно другое значение, чем в конституциях Англии и Франции).

[18] По многим причинам, мы охотно согласились бы не переводить этих страниц, где Прудон говорит о политике, между прочим и потому, что совершенно не разделяем практических взглядов автора. Нам даже неприятно видеть, как Прудон, в этой вздорной области политических вопросов, берется еще за несвойственное ему дело «практического» построения, бредет по следам аббата Сизэйса и Камбасереса и созидает для Франции план новой (уже которой по счету?) конституции. При всем том, нам кажется, что недобросовестно скрывать от русских читателей промахи и увлечения Прудона, тем более, что слабость и наивность его политической практики слишком очевидны и могут предостеречь всякого от увлечений «практическими» решениями, которые теперь совершенно неуместны. (Ред.)

[19] Это доказывается фактом, малоизвестным, но чрезвычайно замечательным. В некоторых местностях Дубского департамента, в Монбеллиарском округе, население состоит частью из католиков, частью из протестантов, и здесь нередко можно встретить, что одно и то же здание в различные часы служит для богослужения обоих исповеданий и никогда не случается там никаких столкновений. Очевидно, эти добрые люди заключили друг с другом договор взаимной терпимости для обрядов своих исповеданий, и взаимность устранила всякую возможность столкновения. В деревнях этих не было примера и никогда не слыхано, чтобы кто-нибудь переменял религию, или чтобы кто-нибудь совершал в отношении других враждебные поступки из-за религиозной ревности. Но несколько лет тому назад, архиепископ Безансонский стал сеять семена раздора: он велел построить для своих прихожан особые церкви. Истинный друг мира и человечества просто старался бы украсить и расширить дом божий, понял бы что этот храм-церковь – прекраснейший памятник, какой только люди могут построить в честь христианского милосердия. Но архиепископ рассудил иначе. По мере сил своих он старается противопоставить одну религию другой, одну церковь другой, одно кладбище другому. Когда наступит страшный суд, не нужно будет отделять козлищ от овец – об этом уже позаботились заблаговременно.

Версия #1

Зверобой создал 23 марта 2025 09:28:29

Зверобой обновил 23 марта 2025 09:47:09